

Глава III Ученик

Формирование стиля

К двадцати двум годам сверстники Бродского кончали университеты и институты и только начинали самостоятельную жизнь. Он в этом возрасте повидал страну, пожил жизнью ее простого народа, испытал на себе бессмысленные преследования со стороны государственной власти, научился не смешивать фантазии с реальностью и критически относиться к людям. Он также научился писать стихи.

В стихах восемнадцати-девятнадцатилетнего Бродского благодаря энергии и богатству воображения встречаются удачные строки, но в целом это все еще лишь юношеские опыты. Автор этих стихов, как многие в его возрасте, увлечен грандиозными абстракциями и романтически презирает обыденный мир. Ему нравятся красивые иностранные слова, и он заговаривается ими почти до глоссолалии:

...начисто заблудиться
в жидких кустах амбиций,
в дикой грязи прострации,
ассоциаций, концепций
и – просто среди эмоций.

(«*Стихи о принятии мира*», 1958) ¹²⁶

Его воображение создает из мешанины экзотических книжек и кинофильмов величественные, но невнятные аллегории:

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.

(«*Пилигримы*», 1958) ¹²⁷

Мекка и Рим, бар как символ загадочной заграничной роскоши, и тут же синее солнце из научной фантастики, и «пилигримы / солнцем палимы» из хрестоматийного стихотворения нелюбимого Некрасова. В скандальных «Стихах под эпитафией» (1958) лирический герой обозначен скотским и божественным началом – Бог или бык, человеческое

изменнических настроениях Шахматова и Бродского узнал только после их возвращения в Ленинград. Об антисоветских разговорах со стороны Бродского не показал. Бродский по делу Уманского и Шахматова не привлекался. Управлением КГБ по Ленинградской области с ним проведена профилактическая работа».

Публикация Ольги Эдельман, www.svoboda.org/programs/td/2001/td.060301.asp. Из справки видно, что офицер госбезопасности не имел представления о том, кто такой Белли, и даже не знал, что Мельвин – имя, а не фамилия.

126 СИБ-1. Т. 1. С. 20 (в СИБ-2 не включено).

127 СИБ-2. Т. 1. С. 21.

опускается. В определенном возрасте так писали многие, почти все. Лермонтов в том же возрасте заявлял: «Я – или Бог, или никто!» Нет ничего странного в том, что такие стихи, да еще страстно прочитанные необычным, «струнным» голосом, очень нравились романтически настроенным мальчикам и девочкам. Необычно то, что ранний успех у сверстников не соблазнил Бродского застрять на этом этапе, что он шел в другом направлении, быстро освобождался от ходульной романтики. Уже лет в девятнадцать он начал догадываться, что стихи делаются не из эгоманиакальных мечтаний, а из жизни как она есть. Когда его стали таскать в КГБ, он уже знал, как следует вести себя на допросах:

Запоминать пейзажи <...>
за окнами в кабинетах сотрудников...
Запоминать,
как сползающие по стеклу мутные потоки дождя
искажают пропорции зданий,
когда нам объясняют, что мы должны делать.

(«Определение поэзии», 1959) ¹²⁸

Лирика повседневности, поэтические ресурсы просторечия, умение открывать метафизическую подоплеку в простом и обыденном – всему этому Бродский учился, и к 1962 году серьезные стихи такого рода стали решительно преобладать над абстрактно-романтическими. В этой школе у Бродского были учителя. Сам он позднее называл учителями своих старших друзей Евгения Рейна и Владимира Уфлянда. Повлияли на него в юности и другие яркие поэты этого поколения – Станислав Красовицкий, Глеб Горбовский и Владимир Британишский. Стихи последнего и подтолкнули совсем юного Иосифа к первым поэтическим опытам. Но, несомненно, главные уроки он извлек тогда из чтения Слуцкого.